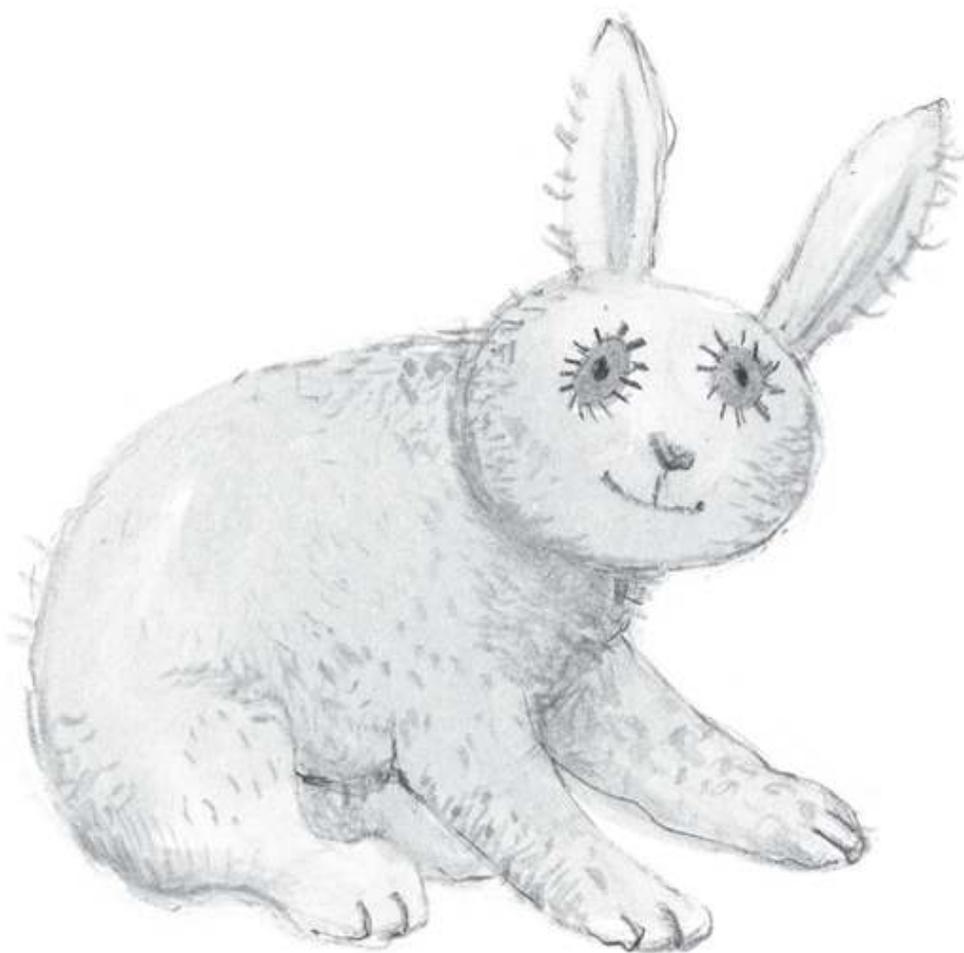

Джудит Керр

**КАК
ГИТЛЕР
УКРАЛ
РОЗОВОГО
КРОЛИКА**

HarperCollins Children's Books

Джудит Керр

**Как
Гитлер
украл
розового
кролика**

2-е издание

Иллюстрации автора

Перевод с английского
Марины Аромштам

БЕЛАЯ ВОРОНА
ALBUS CORVUS

Информация от издательства

Художественное электронное издание

Для детей среднего и старшего школьного возраста

*В соответствии с Федеральным законом № 436 от 29 декабря 2010 года
маркируется знаком **6+***

Керр, Джудит

Как Гитлер украл розового кролика : повесть / Джудит Керр ; худож. Дж. Керр ; пер. с англ. М. Аромштам. — М. : Белая ворона / Albus Corvus, 2017.

ISBN 978-5-00114-124-2

1933 год. Девятилетняя Анна живет обычной жизнью берлинской школьницы, сочиняет стихи, играет с друзьями — как вдруг все резко меняется. Опасаясь преследований со стороны нацистов, ее семья спешно уезжает из Берлина. Швейцария, Франция и, наконец, Англия — путешествие затянется на два с лишним года, за которые девочка познакомится с культурой других стран, выучит французский и поймет, что значит — быть беженцем. И все это время ее не будет покидать воспоминание о плюшевом розовом кролике, оставленном в берлинском доме. Эта книга — первая часть автобиографической трилогии Джудит Керр о жизни в эпоху Гитлера.

Originally published by HarperCollins Publishers under the title:
WHEN HITLER STOLE PINK RABBIT

Text and illustrations © Kerr-Kneale Productions Ltd 1971

Translated under licence from HarperCollins Publishers Ltd

The author/illustrator asserts the moral right to be identified as the author/illustrator of this work.

© М. Аромштам, перевод с английского, 2017

© ООО Издательство «Альбус корвус», издание на русском языке, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

И вот в твоей родной стране все начинает меняться. Сначала ты будто бы ничего не замечаешь, а некоторые уже понимают: жить здесь становится опасно. К твоему удивлению, среди этих людей — твой папа. Именно это случилось с Анной в Германии в 1933 году.

Анне девять лет. У нее много детских дел: она ходит в школу, катается с друзьями на санках — и не обращает особого внимания на политические плакаты. А с плакатов смотрит Адольф Гитлер — человек, который в скором времени изменит жизнь всей Европы. И жизнь маленькой Анны.

Анна не успевает осмыслить происходящее: события слишком быстро следуют друг за другом. Однажды вдруг исчезает ее папа. Анне становится страшно. Потом и она сама, и ее брат Макс вынуждены расстаться со всем, что им дорого, — с родным домом, школьными друзьями, любимыми игрушками: мама срочно увозит их из Германии.

За пределами Германии члены семьи снова соединяются, но они вынуждены то и дело переезжать из одной страны в другую. Это «приключение» растягивается на годы. Анне и Максиму приходится осваивать новые языки и учиться налаживать отношения с новыми людьми, преодолевать неуверенность в себе, жить в бедности. Анна открывает для себя, что быть беженцем — это особое умение и, оказывается, в этой ситуации тоже можно найти что-то положительное. Главное, чтобы все члены семьи были вместе. Остальное не имеет значения. Но если что-то заставит их разлучиться...

Джудит Керр хорошо известна благодаря придуманным ею книжкам-картинкам для маленьких детей. Но эта замечательная и захватывающая повесть

адресована читателям постарше и выводит писательницу на новую орбиту. Ведь история про розового кролика написана по следам реальных событий.

*Моим родителям
Джулии и Альфреду Керр*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Анна возвращалась домой из школы со своей одноклассницей Элизабет. Этой зимой в Берлине выпало много снега. Снег долго не таял. Дворники сгребали его к краю тротуаров, и там в течение долгих недель он лежал печальными серыми кучами. А теперь, в феврале, снег превратился в грязное тающее месиво. Повсюду были лужи. Анна и Элизабет то и дело перепрыгивали через них.

Обе были в ботинках с высокой шнуровкой, в толстых пальто и вязаных шапках, натянутых на уши. А у Анны был еще шарф. Для своих девяти лет Анна была маловата ростом, и концы ее шарфа свисали почти до самых колен. Шарф почти полностью скрывал ее нос и рот — так что видны были только зеленые глаза

и прядки темных волос. Приближалось время обеда, а Анне еще надо было попасть в магазинчик писчебумажных принадлежностей, чтобы купить цветные мелки. Она так торопилась, что запыхалась, и потому обрадовалась, когда Элизабет вдруг остановилась перед большим красным плакатом.

— Здесь изображен тот самый человек. Мы с моей младшей сестренкой вчера его уже видели — на другом плакате. Сестренка решила, что это Чарли Чаплин.

Анна разглядывала лицо на плакате: какой мрачный! И будто впился в нее глазами.

— Ни капельки он не похож на Чарли Чаплина... Только усы такие же...

Девочки разобрали имя под фотографией: Адольф Гитлер.

— Он хочет, чтобы на выборах все проголосовали за него. И тогда он разберется с евреями, — сказала Элизабет. — Как ты думаешь, он разберется с Рахель Левенштейн?

— Никто ничего не сделает Рахель Левенштейн, — возразила Анна. — Она же староста класса! Может, этот Гитлер и со мной разберется? Я тоже еврейка.

— Ты?.. Да ну?

— Ну да. Папа на прошлой неделе разговаривал с нами об этом. Сказал, что мы — евреи. И что я и мой брат должны об этом помнить.

— Но ты ведь не ходишь по субботам в еврейскую церковь, как Рахель Левенштейн!

— Просто мы нерелигиозные. Мы вообще не ходим в церковь.

— Вот бы мой папа был нерелигиозным! — вздохнула Элизабет. — А то мы должны каждое воскресенье ходить на службу и сидеть, пока судороги не начнутся, — она взглянула на Анну с любопытством. — Я думала, у евреев кривые носы. А у тебя нос нормальный... У твоего брата кривой нос?

— Нет, — ответила Анна. — В нашем доме кривой нос только у горничной Берты. Но это потому, что в детстве она вывалилась из коляски и сломала его.

Элизабет почувствовала легкое раздражение.

— Слушай, если ты с виду — обычный человек и не ходишь в еврейскую церковь, откуда ты знаешь, что ты — еврейка? С чего это ты так уверена?

Анна задумалась.

— Ну... — протянула она. — Мои мама и папа евреи. И их мамы и папы тоже были евреями... Наверное, поэтому. До прошлой недели, до разговора с папой, я об этом как-то не думала.

— Фу, глупости! — сказала Элизабет. — Гитлер, евреи и остальное — все это глупости!

И она припустила бегом, Анна — за ней.

Так без остановки они добежали до писчебумажного магазинчика. Какая-то посетительница у прилавка беседовала с продавцом, и сердце Анны упало: она узнала фрейлейн Ламбек, жившую неподалеку. Сейчас на ее лице было какое-то овечье выражение. Она то и дело восклицала: «Ужасные времена! Ужасные времена!» — и при этом так встряхивала головой, что ее серьги болтались взад-вперед, взад-вперед.

Продавец магазинчика согласно кивал: «1931 год был тяжелый. 1932-й был еще хуже. Но, помяните мои слова, 1933-й будет самым ужасным». Тут он увидел девочек: «Что вы хотите, мои дорогие?»

Анна уже собиралась сказать, что хочет купить мелки, но тут ее заметила фрейлейн Ламбек. «Это же маленькая Анна! Как у тебя дела, деточка? Как поживает твой дорогой папочка? Такой прекрасный человек! Я читаю каждое написанное им слово. У меня есть все его книги. Я всегда слушаю его по радио. Но почему-то на этой неделе в газете не было его статьи. Я надеюсь, с ним все в порядке? Может, он где-

то читает лекции? Мы так нуждаемся в нем в эти ужасные времена!»

Анна терпеливо ждала, пока фрейлейн Ламбек закончит стенать. «У него грипп», — сказала она наконец. Это вызвало новый взрыв соболезнований. Можно было подумать, фрейлейн Ламбек причитает над умирающим родственником, ближе которого у нее никого в жизни нет. Она советовала лекарства. Она советовала докторов. Она трясла головой, и ее серьги брякали. И не могла успокоиться до тех пор, пока Анна клятвенно не пообещала передать папочке от фрейлейн Ламбек горячий привет и пожелания скорейшего выздоровления. Уже собираясь уходить, фрейлейн Ламбек остановилась у двери, повернулась и сказала: «Деточка! Не надо передавать папочке привет от фрейлейн Ламбек. Передай ему наилучшие пожелания от его восхищенной почитательницы!» — и только после этого наконец убралась восвояси.

Анна быстро купила цветные мелки. Потом они с Элизабет стояли у магазина на холодном ветру. Здесь их пути обычно расходились. Но сейчас Элизабет медлила. Она давно хотела кое о чем спросить Анну, и вот теперь, казалось, наступил подходящий момент. Элизабет решила:

— Анна, а это как — когда твой отец знаменитый? Здорово?

— Не очень, когда встречаешься с фрейлейн Ламбек или с кем-нибудь, как она, — ответила Анна. Погрузившись в свои мысли, она рассеянно свернула в сторону своего дома. Элизабет, тоже о чем-то раздумывая, продолжала идти рядом.

— А если без фрейлейн Ламбек?

— Тогда, конечно, здорово. Папа ведь дома работает. Мы с ним много общаемся. А еще иногда нам бесплатно дают билеты в театр. Однажды у нас даже брали интервью для газеты, спрашивали, что мы любим

читать. Мой брат сказал, что любит Зейна Грея¹. И на следующий день ему подарили целый набор его книг.

— Вот бы мой папа был знаменитый! — сказала Элизабет. — Но он на почте работает. Там нет ничего такого, из-за чего бы люди делались знаменитыми.

— Может быть, ты сама станешь знаменитой. А тот, у кого знаменитый папа, почти никогда не становится знаменитым.

— Не становится? Почему?

Анна вздохнула.

— Не знаю. Вряд ли в одной семье может быть двое знаменитых людей. Из-за этого мне иногда грустно.

Они остановились у белой калитки дома, где жила Анна. Элизабет пыталась лихорадочно сообразить, что бы такое могло сделать ее знаменитой. Но тут в окно их увидела Хеймпи и открыла дверь.

— Мамочки! Опаздываю к обеду! — воскликнула Элизабет и бросилась прочь по улице.

— Ты — и эта Элизабет! — проворчала Хеймпи, когда Анна вошла в дом. — Ты бы еще с обезьяной на дереве что-нибудь обсуждала!

На самом деле Хеймпи звали фрейлейн Хеймпел. Она нянчила Анну и ее брата Макса, когда те были маленькими. А когда они подросли, Хеймпи занялась домашним хозяйством. Но стоило Анне и Максиму после школы появиться на пороге дома, как Хеймпи тут же начинала вокруг них суетиться. «Надо ж, как ты упакована! Да еще и перевязана, — приговаривала она, разматывая шарф Анны и стягивая с нее верхнюю одежду. — Давай-ка освободим тебя».

В гостиной играли на пианино. Значит, мама была дома.

— Ноги сухие? Не промочила? — спросила Хейм-пи. — Тогда быстро иди мыть руки. Обед почти готов.

Анна поднялась вверх по лестнице, крытой толстым ковром. Через залитое солнцем окно были видны последние пятна снега в саду. Из кухни доносился запах жареного цыпленка. Как же здорово прийти из школы домой!

В ванной кто-то возился. Анна открыла дверь и столкнулась лицом к лицу с братом Максом. Макс спрятал руки за спину и покраснел до корней своих светлых волос.

— Что такое? — спросила Анна и поймала взгляд Гюнтера, друга Макса. Гюнтер тоже смутился.

— А, это ты... — Макс с облегчением перевел дух.

А Гюнтер засмеялся:

— Мы думали, кто-то взрослый.

— Что это у вас? — полюбопытствовала Анна.

— Значок... Сегодня в школе была страшная драка — нацисты против социалистов.

— Кто такие нацисты и социалисты?

— В твоём возрасте можно было бы уже знать, — сказал двенадцатилетний Макс. — Нацисты будут голосовать за Гитлера. А мы социалисты. Мы против него.

— Вы же вообще не будете голосовать, — возразила Анна. — Вы ещё слишком маленькие!

— Ну, наши отцы будут, — насупился Макс. — Это одно и то же.

— Все равно мы им врезали, — заметил Гюнтер. — Ты бы видела, как они удирали. Мы с Максом поймали одного и отобрали значок. Только... Даже не знаю, что скажет мать, когда это увидит, — Гюнтер печально взглянул на свои разодранные брюки. Отец Гюнтера потерял работу, и на новую одежду в их семье денег не было.

— Ничего, Хеймпи починит, — сказала Анна. — Можно я посмотрю значок?

Небольшой значок был покрыт красной эмалью, и на нем был нарисован черный крючковатый крест.

— Такой есть у всех нацистов, — заметил Гюнтер. — Называется «свастика».

— А что вы с ним будете делать?

Макс и Гюнтер переглянулись.

— Хочешь взять себе? — спросил Макс.

Гюнтер помотал головой:

— Не хочу ничего, что хоть как-то связано с нацистами. Моя мама и так боится, как бы мне не проломили голову.

Макс кивнул.

— Они дерутся нечестно. Палками, камнями, всем, что под руку попадет, — он посмотрел на значок с возрастающей неприязнью и повернул его изображением вниз. — Мне он тоже не нужен.

— Спусти его сам знаешь куда! — сказал Гюнтер.

Так они и сделали. Когда они первый раз спустили воду в унитазе, значок не смылся. Пришлось опять дергать за цепочку. Только после этого он наконец исчез — и все облегченно вздохнули. Тут раздался звук гонга, извещавшего о начале обеда.

Пока они спускались вниз, пианино еще звучало. Но когда Хеймпи стала раскладывать еду по тарелкам, дверь распахнулась, и в столовую вошла мама:

— Привет! Привет, Гюнтер! Как дела в школе?

Все разом заговорили, и комната наполнилась шумом и смехом. Мама знала по имени всех учителей и помнила обо всем, что происходило в школе. Поэтому, когда Макс и Гюнтер рассказали, как сегодня разозлился на них географ, она заметила: «Ничего удивительного после того, как вы его разыграли на прошлой неделе!» А когда Анна сообщила, что ее сочинение читали вслух всему классу, мама сказала: «Это замечательно. Фрейлейн Шмидт не станет читать что-нибудь такое, что недостойно внимания, так ведь?»

Слушала мама всегда с полным вниманием. А когда что-нибудь говорила, вкладывала всю душу в свои слова. По сравнению с другими людьми она все делала с удвоенной энергией. А ее голубые глаза казались Анне самыми голубыми на свете.

Перешли к сладкому (на сладкое был яблочный штрудель). И тут вошла горничная Берта и спросила, не может ли мама побеспокоить папу. Его просят к телефону.

— Нашли время звонить! — воскликнула мама и так резко вскочила со стула, что тот чуть не опрокинулся, но Хеймпи успела его придержать. — И не вздумайте съесть мой штрудель!

Мама выбежала из столовой.

Все притихли. Анна слышала мамины торопливые шаги — как она спешит к телефону. А чуть позже — снова шаги, еще более торопливые: мама поднималась по лестнице в папину комнату. Потом стало тихо.

— Как папа себя чувствует? — спросила Анна.

— Ему чуть полегче, — ответила Хеймпи. — Температура немного снизилась.

Анна с удовольствием доедала штрудель. Макс и Гюнтер получили уже по третьей добавке. А мама все не возвращалась. Это было немного странно: ведь она так любит штрудель!

Вошла Берта — убрать со стола. Хеймпи повела мальчиков к себе выяснять, можно ли что-то сделать с разорванными брюками Гюнтера.

— Нет, это не починишь, — сообщила она. — Стоит тебе вздохнуть, и все снова разъедется. Я дам тебе Максовы брюки, из которых он уже вырос. Тебе они будут в самый раз.

Анна осталась в столовой, не зная, чем заняться. Через специальное окошко они с Бертой убрали посуду в кладовку. Маленькой щеткой они смели крошки со стола на совочек. А когда начали складывать

скатерть, Анна вдруг вспомнила про фрейлейн Ламбек, оставила Берту разбираться со скатертью и побежала в папину комнату. Оттуда доносились голоса родителей. Анна открыла дверь:

— Папа, я встретила фрейлейн Ламбек...

— Не сейчас, не сейчас, — воскликнула мама. — Мы заняты.

Она сидела на краю папиной кровати.

Подушки, поддерживающие папу, подчеркивали его бледность. Оба — мама и папа — выглядели сосредоточенно-хмурыми.

— Но фрейлейн Ламбек просила сказать...

Мама рассердилась:

— Боже мой, Анна! Нам сейчас не до фрейлейн Ламбек. Уходи сейчас же.

— Зайдешь попозже, — мягко произнес папа.

Анна захлопнула дверь. Ну, это слишком! Не очень-то и хотелось передавать папе глупые слова фрейлейн Ламбек. Но все равно обидно!

В детской никого не было. Снаружи доносились голоса: наверное, Макс и Гюнтер играли в саду. Но ей не хотелось играть вместе с ними. Ее ранец висел на спинке стула. Она достала новые мелки и вынула их из коробки: розовый! Оранжевый! Но синие — лучше всех. Три разных оттенка синего, празднично-яркие. И красный тоже такой красивый. Внезапно в голову Анне пришла идея.

Недавно она сочинила стихи и нарисовала к ним картинки. Это всех восхитило и дома и в школе. Одно стихотворение было про пожар, другое — про землетрясение, а третье — про человека, который умер в страшных мучениях, потому что его проклял какой-то бродяга. Почему бы не попробовать сочинить что-нибудь про кораблекрушение? Слова «море» и «горе» хорошо рифмуются, и она могла бы использовать все

три оттенка синего, чтобы раскрасить картинку. Анна взяла лист бумаги и начала сочинять.

Она так увлеклась, что не заметила, как в комнату вползли сумеречные тени, и даже испугалась, когда вошла Хеймпи и зажгла свет.

— Я испекла пирожки. Хочешь вместе со мной покрыть их глазурью? — спросила Хеймпи.

— А можно я сначала покажу папе вот это? — Анна закрасила синим последний кусочек моря.

Хеймпи кивнула.

На этот раз Анна не сразу открыла дверь, а постучалась и дождалась, пока папа скажет: «Войдите». В комнате горел только прикроватный ночник, и кровать казалась островом света в царстве теней. Анна едва различала папин письменный стол с пишущей машинкой, заваленный таким количеством бумаг, что они перевешивались через край и грозили сползти на пол. Из-за того что папа часто работал ночью, его кровать стояла тут же, в кабинете: так он не мешал маме спать.

Глядя на папу, трудно было подумать, что ему стало лучше. Сильно осунувшийся, он сидел неподвижно, сосредоточенно глядя перед собой. Но, когда вошла Анна, улыбнулся. Она показала ему стихотворение и картинку. Папа прочел стихотворение целых два раза и похвалил его. Картинка ему тоже очень понравилась. А когда Анна рассказала про фрейлейн Ламбек, они оба очень смеялись. Сейчас папа вел себя как обычно, и Анна спросила:

— Тебе действительно нравится стихотворение?

Папа кивнул.

— Тебе не кажется, что оно недостаточно жизнерадостное?

— Ну, — сказал он, — кораблекрушение — не то, о чем можно рассказывать жизнерадостно.

— А моя учительница фрейлейн Шмидт считает, что я должна писать что-нибудь жизнерадостное — о весне, о цветах.

— А тебе самой хочется писать о весне и цветах?

— Нет! Я хочу писать о разных катастрофах.

Папа чуть заметно усмехнулся. Возможно, заметил он, желание Анны вполне соответствует нынешнему моменту.

— Как ты думаешь, — вдруг забеспокоилась Анна, — ничего, что я пишу о катастрофах?

Папа сразу посерьезнел.

— Конечно. Если тебе хочется писать о катастрофах, нужно писать о катастрофах. Не нужно стараться угодить другим. Хорошо написать можно только о том, что тебя действительно волнует.

Анну вдохновили папины слова, и она решилась спросить, сможет ли она, Анна, когда-нибудь стать знаменитой. Как он думает? Но тут рядом с кроватью так громко зазвонил телефон, что они оба вздрогнули.

Папа снял трубку, и на его лице опять появилось выражение озабоченной сосредоточенности. Все-таки странно, подумала Анна, как по-разному может звучать папин голос. «Да... да...» — отвечал папа и еще сказал что-то про Прагу. Анне стало неинтересно. Но папа скоро закончил разговаривать.

— Наверное, лучше тебе сейчас бежать, — проговорил он и обнял Анну. — А то еще, чего доброго, подхватишь мой вирус.

Анна помогла Хеймпи покрыть пирожки глазурью, и они вместе с Максом и Гюнтером съели их. Осталось три пирожка, которые Хеймпи положила в бумажный пакет, чтобы передать маме Гюнтера. А перед тем как Гюнтер ушел, она еще дала ему сверток с вещами, из которых Макс уже вырос, а Гюнтеру они были как раз.

Остаток вечера Макс и Анна провели, играя в разные игры. На Рождество им подарили красивую коробку с играми, которые они еще толком не успели освоить. В коробке были шашки, шахматы, «Лудо», игра «Змеи и лестницы»², домино, шесть наборов для разных карточных игр. Если надоедало играть в одну игру, можно было сразу же переключиться на другую. Хеймпи сидела вместе с ними в детской и штопала носки и даже сыграла с Анной и Максом в «Лудо».

Незаметно подошло время укладываться спать.

На следующее утро Анна побежала в комнату к папе: ей хотелось увидаться с ним перед уходом в школу. На письменном столе царил абсолютный порядок. Кровать была аккуратно застелена.

Папы не было.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Первая мысль, которая пришла Анне в голову, была настолько ужасна, что у нее перехватило дыхание: ночью папе стало хуже. Его увезли в больницу. Возможно, он... Ничего не видя перед собой, она выскочила из комнаты — и попала в объятия Хеймпи.

— Все в порядке, — сказала Хеймпи. — Все в порядке. Папа просто уехал.

— Уехал? — Анна не могла в это поверить. — Но он же болен. У него температура...

— Он решил, что надо уехать, — сухо сказала Хеймпи. — Мама собиралась тебе объяснить все, когда ты вернешься из школы. Но, пожалуй, надо рассказать прямо сейчас. А фрейлейн Шмидт, я думаю, простит тебе опоздание.

— Что такое? Мы прогуливаем школу? — с надеждой спросил только что появившийся Макс.

Тут из своей комнаты вышла мама. Она была еще в халате и выглядела очень уставшей.

— Не стоит очень уж беспокоиться, — сказала она. — Но кое-что я должна вам сказать. Хеймпи, принеси, пожалуйста, кофе. Я думаю, детям надо поплотнее позавтракать.

Когда они все уселись в комнатке Хеймпи с кофе и булочками, Анне стало чуть лучше. Она даже сообразила, что пропускает урок нелюбимой географии.

— Все довольно просто, — сказала мама. — Папа считает, что Гитлер и нацисты выиграют выборы. А он не хочет жить под властью нацистов. Он считает, что в этом случае мы должны покинуть Германию.

— Потому что мы — евреи? — спросила Анна.

— Не только поэтому. Папа считает, что в случае победы Гитлера уже нельзя будет свободно выражать свое мнение. И он не сможет писать. Нацистам не нравятся люди, которые думают хоть сколько-нибудь иначе, чем они сами, — мама сделала несколько глотков кофе и немного приободрилась. — Конечно, этого может и не случиться. А если случится, то долго не продлится — месяцев шесть или чуть дольше. Но в данный момент мы можем только гадать, что будет.

— А почему папа уехал так внезапно? — решил выяснить Макс.

— Вчера ему позвонили и сказали, что у него могут отобрать паспорт. Поэтому я собрала ему маленький чемодан, и он прямо ночью уехал в Прагу. Это был самый быстрый способ покинуть Германию.

— Кто может отобрать у папы паспорт?

— Полиция. Среди полицейских есть нацисты.

— А кто ему позвонил?

Впервые с начала разговора мама улыбнулась.